

ЛИНГВИСТИКА

УДК 801.73:26–245.2

БИБЛЕЙСКИЙ ТЕКСТ КАК ГЕНЕРАТОР ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ: КНИГА ПРОРОКА ИОНЫ

Н. М. Орлова

Саратовский государственный университет
E-mail: nador2006@rambler.ru

В статье рассматриваются проблемы, связанные с библейским текстом как прецедентным феноменом в русской и европейской литературе, на примере Книги пророка Ионы и её ключевых концептов.

Ключевые слова: прецедентный текст, концепт, Книга пророка Ионы.

Bible Text as a Generator of Precedence: The Book of Jonah

N. M. Orlova

The article considers the issues related to the text of the Bible as a precedent phenomenon in the Russian and European literature on the example of the Book of Jonah and its key concepts.

Key words: precedent text, concept, the Book of Jonah.

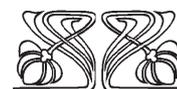
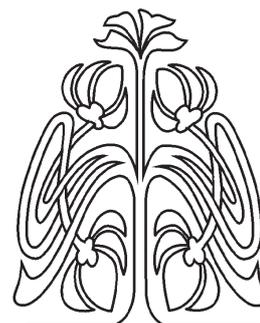
Прецедентная ситуация «Иона пророк» генерирована библейской Книгой пророка Ионы, имеющей особое значение в кругу других текстов Библии и содержащей пророческий символ смерти и Воскресения. Это драматическое повествование, полное постоянных конфликтов.

Среди исследователей этого прецедентного текста нет единого мнения о его толковании. Философы, богословы, филологи, поэты, обращаясь к прецедентной ситуации (ПС) «Иона пророк», различным образом трактуют библейский сюжет, который служит неиссякаемым источником художественных образов.

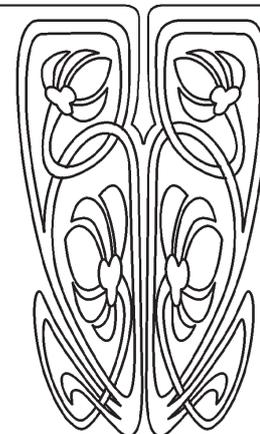
С особыми трудностями сталкиваются переводчики текста. Так, А. Десницкий отмечает, что эту небольшую по объему книгу переводили чаще, чем другие библейские тексты, и это не случайно, поскольку в ней представлены едва ли не все присутствующие в Библии виды речи, от псалма до царского декрета, от Божьего зова до повествования¹. Кроме того, в этой книге читатель встречается с весьма своеобразной шкалой ценностей: Богу послушны все, кроме богоизбранного пророка из богоизбранного народа. Дикая природа (*ветер, море, рыба, растение*) покорна его воле, исполнены Божьего страха моряки, отвечает на Божий призыв нечестивая Ниневия.

В целом можно выделить следующие когнитивные линии и концепты рассматриваемой прецедентной ситуации: 'грех', 'непослушание', 'наказание', 'возможность раскаяния', 'неисповедимость Божьего промысла'. Однако в русской филологической традиции (и шире – в русском и европейском языковом сознании) наиболее четко закреплена линия «Иона во чреве кита». По свидетельству В. Даля, этот волнующий воображение сюжет отражен в загадке «Гроб плывет, мертвец поет?» (Иона пророк).

Наиболее концептуально важным сюжетным ходом является та часть сюжета, которая формирует субситуацию «Иона в чреве кита». Прежде всего, отметим, что применительно к ней не существует однозначного и точного перевода имени главного «субъекта», номинанта ключевого концепта. В русских переводах Библии это «кит», в переводе на английский язык – «огромная рыба»: «Now the Lord had prepared a

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

great fish to swallow up Jonah. And Jonah was in the belly of the fish three days and three nights»². Одно из программных эссе Дж. Оруэлла, содержащее отсылку к данной ПС, называется «Inside the Whale» (в чреве кита, букв. «внутри кита»), при этом Оруэлл комментирует употребление слова *kitt* следующим образом: «It is perhaps worth noticing that everyone, at least every English-speaking person, invariably speaks of Jonah and the *whale*. Of course the creature that swallowed Jonah was a fish, and was so described in the Bible (Jonah 17), but children naturally confuse it with a whale, and this fragment of baby-talk is habitually carried into later life – a sign, perhaps, of the hold that the Jonah myth has upon our imaginations»³. В древнееврейском тексте Иону также глотает «большая рыба»; «кит» появляется в греческом переводе, хотя не исключено, что «рыбой» автор назвал именно кита. Диакон Андрей Кураев замечает: «Что такое “большая рыба” религиозного текста – это знают не биологи, а религиоведы. Это и есть тектонические чудовища (“драконы”, “водные змеи”), которые в мифах всех народов символизируют изначальные, докосмические, неупорядоченные воды. На библейском языке “киты” (греч. *khthon*; евр. *dag*) и “драконы” (греч. *drakontes*; евр. *tanninim*) – слова взаимозаменяемые <...>. На языке Библии по сути все равно как сказать: “Иону поглотили воды” или “большая рыба” или “смерть”»⁴.

В русском языке «кит» – не только крупное морское млекопитающее рыбовидной формы; в переносном употреблении это ‘лица, имеющие исключительно важное значение в каком-либо деле’ и ‘главные условия какого-либо дела’ (*три кита*). Концептуализации понятия «кит» и всей библейской прецедентной ситуации способствует также то, что пребывание внутри какого-либо существа – один из древнейших обрядов инициации, о чем упоминает В. Я. Пропп: «Может быть, в образе Кроноса, пожирающего своих детей и вновь их отрывающего, мы имеем отголоски все того же представления. И не потому ли Кронос пожирает своих детей, что он бог-отец и этим дает божественность своим детям? К этому же циклу относится пророк Иона, проглоченный и извергнутый китом. Не потому ли он пророк, что он побывал в ките?»⁵

Кит (большая рыба) – один из древнейших символов. В раннем христианском искусстве, где встречается сюжет с Ионой, рыба изображалась в виде своего рода морского дракона и, возможно, гиппокампа, а иногда дельфина. Поскольку в Новом Завете этот сюжет толкуется как предсказание смерти и воскресения Иисуса (Мф 12:40), в искусстве он воспроизводится как всеобщий символ воскресения мертвых. Существует много легенд о путешествиях («Плавание святого Брандана», приключения Синдбада в сказках «Тысячи и одной ночи»), указывающих на то, как кит увлекает мореплавателей на морское дно, что символизирует хитрость и коварство дьявола. Врата ада часто

изображались в виде раскрытой пасти кита. В изобразительном искусстве, как уже указывалось, киты также не были похожи на настоящих. Скорее, чудовище, проглотившее Иону, напоминало художникам дракона, огромную косматую рыбку или дельфина.

В «Соборьях» Н. С. Лескова прямое упоминание о ките, проглотившем Иону, связано именно с загадкой невозможности этого поглощения:

«<...> Я ужасно встревожен. С гадостным Варнавой Препотенским справы нет. Рассказывал на уроке, что Иона-пророк не мог быть во чреве китове, потому что у огромного зверя кита весьма узкая глотка. Решительно не могу этого снесть, но пожаловаться на него директору боюсь, дабы еще и оттуда не ограничилось все одним легоньким ему замечанием» (Н. Лесков. Соборьяне).

В современном дискурсе попытки «разгадать» эту загадку влекут за собой преобразования библейского прототекста в постмодернистской парадигме.

В русской филологической традиции «чрево кита» – один из самых известных и любимых образов, который употребляется в составе сравнений, метафоризируется, используется в образных контекстах и т. д. Особую популярность он приобрел в тексте современной поэзии и публицистики:

И, покуда хрустит зазевавшийся кесарь,
чернь подземного царства, его беднота
хлынет рваным потоком во все ворота,
если краны откроет свихнувшийся слесарь
или лопнет библейская кожа кита.
Но не выйдет Иона из темного чрева.
Время движется, видимо, справа налево
или слева направо. Огромное дерево
снизу вверх вырастает и движется вспять.
(С. Кекова. Январская элегия).

Прописали же нам лекарство –
то ли водки сколько-то грамм,
То ли неразделенной, то ли счастливой страсти.
Догорает закат, как деревянный храм.
И пророк Иона сжался от страха в китовой пасти.
(Б. Кенжеев. «Ах ты, моя коза.
Отчего ты дышишь едва...»).

Ср. в следующем примере также из текста Б. Кенжеева обращение к двум библейским ПС – «Иона пророк» и «Иов»:

<...> ни добыче не верь, ни улову,
ни единому слову не верь –
не Ионе, скорее Иову
отворить эту крепкую дверь.
(Если музыка – долгая клятва...).

В поэтическом цикле И. Лиснянской «В пригороде Содомы» этот образ служит для выражения авторского мировоззрения, является связующим звеном мифа и современности:

Жизнь удлинилась, строку разогнав,
 Дыхание сократив.
 Более факта, ты полностью прав,
 Меня привлекает миф.
 Вышел Иона из чрева кита,
 Где за трое суток продрог.
 Я отворю ему ворота,
 Пускай отдохнет пророк.

Как уже отмечалось, сходные художественные приемы реализуются на основе концепта 'чрево кита' в английском языке. В упоминавшемся эссе Оруэлла «Во чреве кита» (1940) предлагается переосмысление библейского мифа, в котором жертва пророка Ионы преследует цель искупить невольную вину за разыгравшуюся бурю; у Оруэлла чрево кита становится прибежищем для смирившихся перед безумием века, когда свобода мысли признана смертным грехом, пока ее не превратят в бессмысленную абстракцию. Оруэлл разворачивает эту метафору, чтобы подчеркнуть, что время расцвета нацизма и фашизма отмечено безразличием интеллигенции и либеральных художников, покорно принявших надвигающуюся опасность. Появление в наши дни монографии польского литературоведа Е. Ярневича «W brzuchu wieloryba»⁶, посвященной английской поэзии, не случайно: как в названии, так и во всей концепции книги реализуются глубокие интертекстуальные связи в контексте европейской культуры. Сходные примеры находим в текстах, продуцированных на польском языке. Приведем пример из современной журнальной публикации познавательного характера: *Siedzimy na dnie ogromnego transportowca na parcianych fotelach, jakieś 3 metry poniżej linii okienek... Jak w brzuchu wieloryba: nic nie widać, ciemno, duszno... Jesteśmy o godzinę lotu od serca Amazonii...* (Hanna i Jerzy Sosińscy. U Cofanów w Amazonii – реализация устойчивых представлений о чреве кита как замкнутом темном пространстве).

А. А. Кандинский-Рыбников, анализируя «тайнопись» пушкинских «Повестей Белкина», находит в аббревиатуре имени рассказчицы К. И. Т. аллюзии на это морское чудовище, на концепт 'кит' и на всю прецедентную ситуацию, связанную с пророком Ионой⁷, и полагает, что некий «космический цикл» образуется ветхозаветной Книгой пророка Ионы, пушкинскими «Метелью» и «Капитанской дочкой» и булгаковской «Белой гвардией» (вспомним известную «опозицию» *кот-кит*). Хотя можно говорить о спорности такого подхода, в целом работа Кандинского-Рыбникова также определенным образом свидетельствует о значимости образа в русской языковой картине мира.

Весьма значим этот образ для поэзии Николая Клюева, что связано с несколькими обстоятельствами: прежде всего, кит (точнее, так называемый белый кит, белуха) – реальный персонаж, морское животное, хорошо знакомое поморам на русском Севере; его название употребляется

метафорически, иносказательно, в образных контекстах и т. п.

Можно также отметить, что «Медный кит» Клюева явно перекликается с библейским «медным змеем» (одним из прообразов Христа).

Прецедентная ситуация «Иона пророк» может воспроизводиться во всем многообразии когнитивных линий, заложенных в ней. Хотя сам сюжет может быть инвертирован, что связано, повторим, с чрезвычайной многослойностью самой ПС, он одновременно легко узнаваем в основных ходах (нежелание Ионы проповедовать, бегство, пребывание в чреве кита, спасение и т. д.). В той или иной полноте воспроизводятся основные концепты и когнитивные линии библейского текста – *грех, непослушание, наказание, возможность раскаяться, неисповедимость Божьего промысла*. Иногда используются не основные когнитивные линии данной ПС, такие как *сон*.

Е. Петровская, анализируя роман Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый кит» («Moby-Dick or, The Whale») в работе «Кит как текст», также подробно останавливается на библейской ПС, на функционировании символа *кит* в английском языковом сознании. В немалой степени продуктивности такого анализа способствует тот факт, что текст романа содержит как отсылки к библейскому тексту, так и концептуальный анализ⁸.

Обратимся к текстам русской культуры, в которых ПС «Иона пророк» является тексто- и смыслообразующей.

При попытке наложения когнитивной матрицы библейской ситуации на современные тексты можно утверждать, что в них так или иначе находят отражение основные когнитивные линии и концепты этой ПС, при этом доминирующее положение занимает линия 'Иона в чреве кита'. Напомним, что основные концепты, в которых проявляются указанные когнитивные линии, – 'грех', 'непослушание', 'наказание', 'возможность раскаяться', 'неисповедимость Божьего промысла', и именно эти линии могут прямо, косвенно или инвертированно воспроизводиться в художественном тексте. Эти концепты достаточно сложны, поскольку, как уже отмечалось, в ряде случаев отсутствует единое понимание прототекста; также наблюдается изоконцептуальность, т. е. перекрещивание концептосфер. Так, *грех* – «атрибут» язычества, в грехах погрязли жители Ниневии; одновременно *грех* = *непослушание* применительно к пророку Ионе. Наказание – это *пребывание в чреве кита* и наказание – то, чего ожидает Иона применительно к Ниневии. *Неисповедимость Божьего промысла* подразумевает и *обязательность подчинения* Его воле (иначе говоря, невозможность *непослушания*).

Зачастую эти компоненты библейской концептосферы подвергаются значительному искажению: так, при реализации их в «метаромане» Анатолия Кима «Остров Ионы» библейский текст проникает в камчадалские мифы, эти тексты рас-

творяются друг в друге: медведь Маче Тынгре, съевший сердце кита, выбросившегося на берег, и все потомки этого медведя, носящие такое же имя, становятся кроткими и *детски незлобливymi*; Иона живет на острове и носит имя *Сын Кита* и т. д. Хотя обращение к библейской прецедентной ситуации имеет абсолютно неканонический характер, эта ПС реализует в «метаромане» свой огромный текстообразующий потенциал и является легко узнаваемой, несмотря на все художественные метаморфозы.

Трудный путь танкиста Ионы к мирной жизни, обретение себя и Бога в душе (повесть Маргариты Хемлин «Про Иону») связывается с многократным возвращением в некое «чрево», а описание снов Ионы прочитывается как *сон* непокорного библейского пророка в трюме, как *сон духовный*. Финальный сон на Троицкой горе связывается с нахождением Ионы на горе в окрестностях Ниневии, что подчеркивается зеркальностью ситуации: библейский город (Ниневия) уцелел, засохло единственное растение, прикрывавшее Иону от зноя; в тексте Хемлин город (Чернигов) полностью разрушен, в Хмельнике, кроме разрушений, герой узнает о гибели всех близких, а в окрестностях Чернигова все живет и цветет.

Рассматриваемая прецедентная ситуация особенно востребована современной поэзией, в которой проявляются внутренняя динамика библейского текста, его непредсказуемые инверсии и вариативность. Так, стихотворение «Вот Иона-пророк, заключенный во чреве кита...» Олега Чухонцева является ключевым в книге «Фифиа», в качестве развернутой аллегории охватывает всю ее композицию и представляет собой текст в исконном значении – плотную ткань, сотканную переплетением смыслов и когнитивных линий библейской ПС и современности с выходом в дискурсивные практики лирического героя⁹.

Один из интереснейших поэтических текстов, смысловая и семантическая организация которого жидется на прецедентной ситуации «Иона пророк», – стихотворение Олеси Николаевой «Плач по Ионе-пророку».

Композиция «Плача...» – переплетение сюжетных линий библейской ситуации и современности (у Николаевой в большей степени вневременного состояния лирической героини) – обнаруживает некоторое сходство с построением стихотворения Олега Чухонцева, что, впрочем, достаточно характерно для современной поэзии в целом и дает возможность для бесконечного варьирования смысловой структуры концептов ПС.

Невозможность глубокого – равного по силе деяния библейского пророка – раскаяния и покаяния в тексте Николаевой сама по себе осознается как грех, а раскаяние неосуществимо до тех пор, пока человек тесно привязан к радостям и красоте земной жизни, очарован ею. Таким образом, в «Плаче...» возникает импульс для генерирования концепта ‘сад’, слабым смысловым сигналом

которого в каноническом тексте является образ растения (тыквы; у Чухонцева – «растеньице»).

Можно предположить, что экспликация концепта ‘сад’ и генерирование новых смыслов, связанных с образом сада, может в значительной степени деформировать когнитивную сетку библейского претекста. Однако сильный прецедентный текст – Книга пророка Ионы – цементирует сложное построение поэтического текста, прочитывается на протяжении всего повествования, хотя подвергается искажениям и привнесениям в соответствии с авторским замыслом, что подтверждает возможности библейского прецедентного текста как динамического конструкта.

«Сон» лирической героини, в котором ей являются картины прекрасного сада, соотносится со сном Ионы в трюме корабля; одновременно это глубокий (лексический повтор *а я все сплю и сплю...*) сон души, грех, поскольку *сон*, наряду с ленью, апатией, разочарованием, унынием, может быть сегментом лексико-семантического поля *скука*, неспособность понять, как Иона, в чем заключается Божий промысел (= непослушание).

В «Герое» Олеси Николаевой прецедентность рассматриваемого сюжета проявляется в еще более сложном переплетении смыслов, смещении акцентов, в результате чего генерируется текст колоссального художественного воздействия. Приведем его с небольшими купорами.

Кажется, этот корабль сам не туда плывёт.
Капитан обманут. Он четвертые сутки пьёт.
И помощник болен морской болезнью, и всех мутит.
И огромная рыба над мачтой во тьме летит <...>

Ах, они и сами вдруг позабыли, кто там зафрахтовал
этот белый корабль – крутанул со властью штурвал, –
надо бы выяснить, что это за сюжет и кто виноват,
Одиссей ли тут, Иона ль, Колумб, Синдбад?

Что за птицы с женскими лицами, облака и тут же – киты.
Ходят волны большими стаями, разевают рты.
Но язык их – греческий ли, испанский – понятен,
и – всё одно:
как бы ни было, а герой спасётся,
корабль же уйдёт на дно.

...Юнга всю ночь буянил и бунтовал – теперь он
не может встать,
он вопит, как он хочет жить, и тут же валится спать,
и на мешке со смоквами летит себе к небесам,
а там ему говорят: «Так будь же героем сам!»

Он продирает глаза, а ветер ревет ревмя,
он говорит всем: «Братия! Буря из-за меня!
Молния метит мне в темя в заговоре с луной,
и кит меня караулит, и вихрь послан за мной.
Я – спавший на смоквах в трюме, на карте семи
морей,

в такие дела замешан, в боренья таких скорбей...
Зовите же капитана! Пусть знает!..» И, чуть хмельной,
уходит в пучину моря со звёздами и луной.

Заголовок, название лирической темы, которое в современной поэзии скорее исключение, чем правило, заключает в себе как минимум два значения: «человек, совершающий подвиги» и «действующее лицо литературного произведения». Юноше свыше предложено «быть героем» – и он выбирает пророка Иону. В ономастическом ряду это прецедентное имя – одно из нескольких, принадлежащих мореплавателям, однако выбор «героя» не случаен. Имена хитроумного Улисса, гениального путешественника, оваянного славой первооткрывателя Колумба, сказочного «морехода» Синдбада не содержат смысловых квантов, связанных с жертвой, жертвенностью, прообразом жертвы Спасителя. Этот смысл есть лишь у имени Иона.

В ряду текстовых маркеров прецедентности (*огромная рыба, киты* и один – «караулящий» героя – *кит, сон юнга в трюме, мешок со смоквами* и др.) особое место занимает описание морского плавания. Юнга, «буянивший и бунтовавший» всю ночь, коррелирует с множеством молодых бунтарей русской классики, в первую очередь с героями Достоевского и Чехова (библейский пророк, по-видимому, находился в более солидном возрасте). Выбор им «сюжета», связанного с жертвой, в этом контексте также не случаен (вспомним слова Порфирия Петровича, обращенные к Раскольникову: «Станьте солнцем, вас все и увидят»). Добровольная гибель героя, его устремление от земной ночи к вечной, небесной тьме, «в пучину моря» – на первый взгляд, существенное отличие от библейского претекста. Однако экспликация в этом поступке концепта ‘жертва’ проявляет, как уже было сказано, в прецедентном имени *Иона* смысловые кванты, связанные не только с Ветхим, но и с Новым Заветом.

Нетрудно заметить, что религиозная пророческая символика смерти-воскресения, заложенная в когнитивной основе библейского текста, также ощутима на уровне прецедентных импульсов большинства текстов (И. Лиснянская, Сухбат Афлатуни и др.).

Наконец, заметим, что восприятие интертекстуальных связей художественного и библейского текста во многом зависит от интерпретатора: це-

левая группа О. Чухонцева – читатели и ценители русской поэзии, поэтому в его стихах отсутствует как пересказ библейского сюжета, так и его прямая цитация (с чем мы сталкиваемся при чтении романа Кима). При этом в небольшом по объему поэтическом тексте могут быть охвачены практически все концептуальные линии и сюжетные ходы библейского претекста.

Наложение когнитивной матрицы библейского текста на поэтические и прозаические тексты современных авторов позволяет говорить, с одной стороны, о концептуальной общности основных когнитивных признаков этих текстов, а с другой – о значительном их отличии. Ситуация, впервые описанная в Библии, может быть представлена весьма широко, с искажениями и привнесениями, с акцентом на тех или иных моментах, очень часто – на *ките* как концептуально важном персонаже. Несмотря на то, что Библия как прототекст оказывает влияние на текстообразование художественного дискурса, авторы творчески преобразуют библейскую концептосферу, что служит неисчерпаемым источником продуцирования новых репрезентаций традиционного концепта и рождения новых образов.

Примечания

- 1 См.: Книга пророка Ионы / предисл., пер. и коммент. А. Десницкого // Альфа и Омега. 2005. № 1 (42). С. 50.
- 2 The Holy Bible. Containing The Old And New Testament : in the King James Version. Nashville, 1984.
- 3 Orwell G. Inside the Whale and Other Essays. L., 1962. P. 27.
- 4 Кураев А. Встреча моря и света. О фильме «Титаник» и пророке Ионе // «НГ»-Кулиса. 1998. № 14. С. 4.
- 5 Пронн В. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 229.
- 6 Jarniewicz J. W brzuchu wieloryba. Poznań, 2001.
- 7 См.: Кандинский-Рыбников А. Учение о счастье и автобиографичность в «Повестях покойного Ивана Петровича Белкина, изданных А. П.». М. : Феникс, 1993. С. 47–50.
- 8 См.: Петровская Е. Кит как текст. Читая «Моби Дика» // Логос : Философско-литературный журнал. 1991. № 2. С. 240–261.
- 9 См.: Орлова Н. Прецедентная ситуация Библиейского истока в поэзии О. Чухонцева // Гуманитарные исследования. 2009. № 3. С. 166–170.